

XV Международный съезд славистов

20-27 августа 2013 г. Минск, Беларусь

XV Международный съезд славистов
20–27 августа 2013 г., Минск, Беларусь

Internationales Slawistenkomitee
Phraseologische Kommission

**Nationales und Internationales
in der slawischen Phraseologie**

**Национальное и интернациональное
в славянской фразеологии**

Harry Walter, Valerij M. Mokienko (Hrsg.)

Greifswald 2013

III.3 ПАРЕМИОЛОГИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ФРАЗЕОЛОГИИ

III.3.1 ТИПИЧНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПОСЛОВИЧНЫХ СТРУКТУРАХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯ

(на материале паремий о высокомерии и скромности)

Паремии любого языка являют собой тексты о человеке и для человека. Всё изображаемое в паремиях – это его жизненный мир, многообразный и в то же время упорядоченный. Упорядоченность возникает в силу того, что реальное осмысливается через призму идеального, то есть изображение всего сущего окрашивается ценностным отношением к нему. Это означает, что в паремиях идёт речь не столько о том, каков есть мир и человек в нём, сколько о том, что хорошо в этом мире и что плохо, а паремиологический «портрет» человека представляет собой своеобразную антологию его достоинств и недостатков, служащую воспитанию нравов.

Механизмы оказания воздействия на ценностное сознание реципиента паремии различны, и описание данных механизмов при обращении к разноязычному материалу, на наш взгляд, может базироваться на характеристике когнитивных структур, отражающих обобщённый смысл паремиологических единиц. Определим эти механизмы на материале русских, белорусских, украинских, итальянских и немецких паремий о высокомерии и скромности, акцентируя внимание на типичном и специфическом в видении и интерпретации мира представителями славянских и не славянских лингвокультур.

Типичным для разноязычных пословичных выражений избранных нами тематических групп является определение человека как носителя достоинства / недостатка по ряду отношений: 1) в отношении к самому себе; 2) в отношении к другим людям, Богу и демоническим силам; 3) в отношении к нему людей, Бога и демонических сил. При отражении каждого из данных видов отношений идёт обращение к аксиологически значимым категориям. Так, например, при определении носителя достоинства / недостатка в отношении к самому себе пословица сообщает, что даёт самому человеку обладание тем или иным качеством (то есть удовлетворяются или не удовлетворяются интересы и потребности человека), какова иерархия ценностей обладателя достоинства или недостатка, с какими другими положительными или отрицательными качествами характера анализируемое свойство обычно сопряжено.

В рамках данной статьи мы обратимся к анализу только тех паремий, в которых сообщается о том, чем оборачивается для высокомерного человека его спесь и что даёт скромнику его кротость. Логическую форму паремий, отражающих данный вектор развития мысли, можно представить следующим образом – *одно порождает другое*. Это самая высокая ступень абстрагирования в представлении семантики данных паремий, но, каким бы ни было языковое обозначение пропозиций, представляющих «порождающее» и «порождаемое», «порождаемое» всегда реализует значение ценностно значимого «итога».

В паремиях всех трёх славянских языков, связанных отношениями близкого родства, а также не славянских, не родственных по отношению друг другу языков обнаруживается несколько общих когнитивных признаков, входящих в состав пословичных когнитивных (термин Е.В. Ивановой), в которых отражаются представления о негативном «итоге» обладания такими качествами характера, как высокомерие, гордыня, спесь, хвастовство:

1. Падение, вообще «движение вниз»: рус.: *Гордый покичился, да во прах скатился; Спесивый высоко мостится, да низко ложится; Кто хвалился, тот с горы свалился; Высоко летаешь, да низко садишься*; бел.: *Высока падляцеў, ды нізка сеў; Хто высока заглядае, той нізка сядзе*; укр.: *Хто високо літає, той низько сідає; Хто вище злізе, дужче падає; Хто носа надто високо задирає, той під собою опору втрачає; Як не летіло*

— *ma vdarилось!* итал.: *Chi monta più in alto che non deve, cade più in basso che non crede* (Кто поднимается выше, чем нужно, опускается ниже, чем можно предположить); *Chi troppo presume, fa maggior caduta* (Кто чересчур гордится собой, наверняка упадёт); *Chi va troppo in alto, casca in fosso* (Кто слишком возносится, валится в яму); *A cader va, chi troppo in alto sale* (Падает тот, кто слишком вверх стремится); нем.: *Wer hoch steigt, fällt tief* (Кто высоко поднимается, низко опускается); *Der Stolze erhebt sich, um desto tiefer zu fallen* (Гордость возвышается, чтобы ниже упасть); *Hochmut kommt (geht) vor dem Fall* (Высокомерие идёт впереди падения).

Обращение представителей разных культур к «ориентационным метафорам» (термин Дж. Лакоффа) в целях аксиологической интерпретации сущего, которое наблюдается в данных паремиях, есть свидетельство глубоко укоренившейся в человеческом сознании символизации признаков «вверх» и «низ». Именно по этой причине метафорический сценарий вознесения и последующего падения возгордившегося человека обнаруживает себя в библейских притчах, в паремиях, представляющих как многие европейские (пословицы с данным смыслом встречаются в 42 европейских языках), так и неевропейские лингвокультуры (Paczolay 2002, 236; 240).

Национальная специфика пословичных реализаций когнитивной «гордый возносится и падает» проявляется своеобразно: в большей степени она касается образного обозначения когнитивного признака «устремлённость вверх», когнитивный признак «движение вниз» находит воплощение в основном в лексемах со значением падения. В славянских паремиях образное обозначение «устремлённости вверх» не отличается значительной вариативностью: *высоко моститься, высоко летать; высоко падляець, висока заглядаць; високо літати, високо носа задирати* и др. Общим для славянских паремий, представляющих метафорические реализации анализируемой нами когнитивной, является когнитивный признак «высоко летать», этот когнитивный признак даёт рефлексии в образах поющей или летающей птицы и в других когнитивных моделях: рус.: *Чиж пел, пел, да на мель сел*; бел.: *Высока сарока лятае, ды дома не начуе*.

В итальянских и немецких паремиях, представляющих когнитивную «гордый возносится и падает», признак «устремлённость вверх» находит воплощение в лексемах со значением восхождения: *montare, andare in alto, salire; steigen, erheben sich*. Типичным для итальянцев и немцев при их обращении к ориентационным метафорам в оценке поведения гордецов явилось использование когнитивного признака «ехать высоко», который представлен, однако, в иных когнитивных моделях: итал.: *La superbia andò a cavallo e tornò a piedi* (Гордость едет на коне, а возвращается пешком); нем.: *Es ist besser demütig gegangen, als hoch gefahren* (Лучше смиренно идти, чем высоко ехать). В итальянских паремиях, в отличие от немецких, превозносящий себя человек ассоциируется не только с наездником, но и с ослом (*Chi è asino e cervo si crede, al saltar della fossa se n'avvede* (Кто осёл и мнит себя оленем, свалится в яму); *L'asino che si vanta, auguragli una caduta* (Осёл, который себя хвалит, предвосхищает падение).

2. Соприкосновение с нечистотами, распространение нечистот: рус.: *Кверху плевать – свою бороду заплевать* (компоненты пословичных когнитивных структур «плевать вверх», «плевать против ветра» характерны для паремийпространств многих европейских языков, как славянских, так и не славянских, см. латинское выражение *in caelum exsuri*); *Драгун бежит, земля орожит, а оглянешься – в грязи лежат; Хвалили, хвалили, да в навоз свалили*; бел.: *Высокага роду, ды нарабіў смуроду*; укр.: *Не заглядай високо, бо запорошиш око*; итал.: *Vocca che si vanta, cacala davanti* (Рот, который себя хвалит, впереди себя гадит); *La lode propria puzza* (Самохвальство дурно пахнет); *Chi si loda, s'imbroda* (Кто хвалится, пачкается). Когнитивные признаки «испачканность», «вонь» проявляют себя в паремиях, представляющих и другие пропозициональные модели: укр.: *Запишався, як кошеня в noneli*; нем.: *Er stinkt wie etwas Rechtes* (Он воняет, как что-то правое). Это означает, что в менталитете разных народов анализируемые когнитивные

признаки представляют стереотипные ментальные единицы, используемые для выражения негативного оценочного отношения.

3. Нарушение целостности: рус.: *Вздулся волдырь (пузырь), да и лопнул; Широко шагаешь – штаны порвёшь*; бел.: *Жаба дулася, дулася – ды лопнула*; итал.: *Quanto più la rana gonfia, più presto crepa* (Чем больше лягушка надувается, тем быстрее лопнет); *Chi si vanta, si spianta [si rovina da sé]* (Кто хвалится, разрушает самого себя); *A fare il passo più lungo della gamba si rompe il cavallo dei calzoni* (Шагнуть шире – порвать штаны); нем.: *Wen Hochmut aufgebläht, der kommt leicht nach Platzenheim* (Кто раздувается от гордости, тот легко лопаётся); *Wenn sich der Frosch zum Ochsen bläst, so muss er platzen* (Если лягушка раздуется с вола, то непременно лопнет). Когнитивная «жаба надувается, одержимая желанием быть больше (вола), и лопаётся» получила распространение во многих европейских языках благодаря популярности соответствующего мотива басни Ж. Лафонтена, позаимствовавшего сюжет у Горация. Наличие паремий с аналогичными метафорическими сценариями в разных языках обусловлено, возможно, и независимым развитием соответствующих когнитивных структур (см. рус.: *Вздулся волдырь (пузырь), да и лопнул*; итал.: *Chi fa la scureggia più grossa del culo, si strappa* (Кто делает бздуну толще задницы, разрывается)). Примечательно, однако, то, что образы, в которых воплощаются когнитивный признак «надуваться», разнообразны и многочисленны во всех анализируемых нами языках (см., к примеру, укр.: *дмеця, як бульбас на воді; дмеця, як жаба на лопуху; надувсь, як лопух на огні; дмеця, як шкурат на огні; дмецься як легке в горшку*), а признак «лопаться» проявляет себя в основном в сценариях с лягушкой/жабой.

4. Стыд, огорчение, беда, раскаяние: рус.: *Якал-якал, а потом заплакал; Снедь не к добру ведет*; бел.: *Прыехаў з тыхай, а паехаў з канфузам*; укр.: *Хто хвалиця, той кайця*; итал.: *Quegli che si vanta, di fin pregio si smanta* (Кто себя хвалит, лишает себя почёта); *A orgoglio non mancò mai cordoglio* (Гордости всегда достаточно печали); *Chi duro duro va, tai tai [mogio mogio] torna* (Кто очень упрямо идёт, уныло возвращается); *Quando la superbia cavalca, la miseria si mette in groppa* (Когда гордость едет верхом, беда садится на спину); *Quando la superbia galoppa, la vergogna siede in groppa* (Когда гордость скачет, стыд сидит на спине); нем.: *Wenn Hochmut aufgeht, geht Glück unter* (Когда поднимается высокомерие, приходит конец счастью); *Tritt Hochmut in ein Haus, treibt er das Glück (den Segen) hinaus* (Высокомерие входит в дом и прогоняет из него счастье); *Hochmut geht voran, Spott und Schaden (Schande) folgen nach* (Высокомерие идёт впереди, насмешка и вред идут следом). Значительное количество пословичных вариантов реализации когнитивной «гордость влечёт за собой страдания» в итальянском и немецком языках объясняется, скорее всего, большим (в сравнении с восточнославянскими языками с их более поздним формированием письменных традиций) влиянием на данные лингвокультуры латыни (ср.: *Superbia oriente occidit felicitas*).

5. Отсутствие искомого, невозможность обретения материальных благ, лишения и т.п.: рус.: *В хвасте нет сласти; Похвалы не кормят, не греют; Из похвалы шубы не сошьёшь*; бел.: *Хвальба сарочки не даць; Хто горды, таму мліч цвёрды; Ганарысты, але ад маёнтку чысты; З вялікага куста ягад пуста*; укр.: *Хвіч-міч, не буде з того ніц*; итал.: *La superbia andò a cavallo e tornò a piedi* (Гордость едет на коне, возвращается пешком); нем.: *Der Stolz frühstückt mit dem Überflusse, speist zu Mittag mit der Armut und isst zu Abend mit der Schande* (Гордость завтракает в изобилии, обедает в бедности, ужинает с позором); *Prahlerlei blüht wohl, trägt aber keinen Samen* (Хвастовство процветает повсюду, но не даёт семян); *Hochmut führet in Armut* (Высокомерие приводит к бедности); *Hochmut ohne Mittel endet im schlechten Kittel* (Высокомерие без средств заканчивается в худом халате). Паремии об отсутствии искомого материальных благ, о материальных потерях, анализируемых как следствие чрезмерной гордости и спеси, формировались в каждом из анализируемых нами языков, по-видимому, на национальной основе, об этом свидетельствует несовпадение образов и другие содержательные различия, хотя структура знания «высокомерие / хвастовство не приводит к удовлетворению материальных

интересов», представляющая высший уровень в абстрагировании от конкретного содержания паремий, является общей для всех анализируемых нами лингвокультур.

Список общих когнитивных признаков, обнаруживаемых в пословичных когнитивных структурах со значением «итога» обладания такими качествами характера, как высокомерие, спесь, хвастовство, приведённый в данной статье, не является исчерпывающим. Однако и этот неполный список позволяет прийти к выводу о действии общих механизмов оценочной категоризации действительности в паремитворчестве, представляющем культуру различных этносов.

Скромность, кротость, смирение в меньшей степени охарактеризованы в плане позитивных «следствий», чем соотносящиеся с ними антиценностные категории, однако и здесь в значительной степени проявляется себя содержательная корреляция разноязычных паремий. Наблюдается и общность отдельных когнитивных признаков, и тождество аксиологических категорий, используемых для выражения ценностного отношения, и, наконец, эквивалентность паремий, свидетельствующая о тесном взаимодействии лингвокультур: рус.: *Покорное слово гнев укрощает; Покорной головы и меч не сечёт; Тихо не лихо, а смиреннее прибыльнее; Смиренье – богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье; Смиренье – девичье (молодцу) ожерелье; Ласковый телёнок двух маток сосёт, а противный и одной не видит*; бел.: *Ад паклону галава не адпадзе; Ласкаю і ліхога ўціхамірыш; Ласкавае цялятка дзве маткі ссе; Пакорна дзіцятка дзве маткі ссе, а непакорнае нігоднае не ссе; Без цярпення няма збаўлення; Пакорнага і меч не сячэ; Ляжачага не б'юць*; укр.: *Хто терпеливий, той щасливий; Ласкаве (смирне) телятко дві матки ссе; Покора стіну пробиває; Покорної голови меч не иметь*; итал.: *La modestia è l'ornamento più bello* (Скромность – лучшее украшение); *L'umiltà disfa il ghiaccio* (Смирение растопит лёд); *Umiltà vince cor duro di prince* (Смирение победит твёрдые принципы); *La modestia non ha mai fatto [costituito] difetto* (Скромности не быть пороком); *L'agnello umile succhia le mammelle della propria madre e quelle degli altri* (Покорный ягнёнок сосёт вымя своей и другой матери); нем.: *Demut ist ein schöne zier* (Смирение – прекрасное украшение); *Demut wohl tut* (Смирение благо везде); *Demut ist die Krone einer guten Gesinnung* (Смирение – венец хорошего настроения); *Demut kommt überall durch* (Смирение пройдёт повсюду); *Die Demut ist ein Kleid, damit man alle Mängel bedecken kann* (Смирение – платье, которым можно прикрыть многие недостатки); *Mit Sanftmut wird der Bruch geheilt* (Покорностью лечится рана).

Национальная специфика, своеобразие образных основ проявляется больше всего в паремиях с негативной оценкой скромности и покорности: рус.: *И пеня смирен, да что толку в нём; Смирную собаку и кочет бьёт; Всем угодлив, да никому не пригодлив; Подставь шею, так насядут; Кроткая овца всегда волку по зубам; Сделайся овцой, а волки готовы*; бел.: *Ласка не калыска, сеўшы, не паедзеш; Пасылаюць, дык палажы руку ў жар*; укр.: *Через низький тин усі собаки скачуть; На лежачу березу кози скачуть; Смирного й на тім свімі б'ють; Пішого сокола и ворони б'ють*; итал.: *Non bisogna far troppo palla di se stesso* (Не следует делать из себя большой мяч (в смысле – если совершать чересчур много благодеяний, начнут пинать ногами); *Non farti crusca, perché il porco ti mangia* (Не нужно быть отрубями, иначе тебя съедят свиньи); *Non ti far paglia, che il vento non ti mena [porta via]* (Не будь соломой, иначе тебя унесёт ветер); *Il cardo molle ognuno lo calpesta* (Мягкий репейник каждый топчет); *Fra' Modesto non fu mai priore* (Отец Модест (скромник) никогда не был настоятелем); *Gamba corta non conviene che ascenda [salga] alto scalone* (Короткой ноге не удастся взойти на следующую ступеньку); *Più ci s'abbassa e più si mostra il culo* (Больше склонись – больше покажешь зад людям); *Chi non vuol piedi sul collo, non s'inchini* (Кто не хочет иметь ноги на шее, не кланяется).

Несомненно, что установление своеобразия в метафорических реализациях пословичных идей, равно как и объяснение причин этнокультурной специфики пословичных образных основ требует отдельных тщательных изысканий. Данное своеобразие может быть детерминировано как условиями, в которых формировались

поэтические традиции этноса, так и случайными факторами (к числу которых Б.Ю. Норман относит, к примеру, влияние рифмы, ритма и т.п. (Норман 2004, 251)).

Объяснение содержательной корреляции разноязычных паремий следует усматривать не только в общности используемых логических форм, детерминируемых характером устанавливаемых в реальной действительности отношений между вещами и их свойствами или между свойствами вещей (Пермяков 1970, 19), но и в том, что носители разных языковых культур при выражении оценочного отношения к миру опираются на одни и те же когнитивные структуры, конструируемые с опорой на универсальные когнитивные признаки, характеризующиеся устойчивой аксиологической маркированностью. Центральными категориями, используемыми для оценки следствия обладания достоинствами или недостатками, как показали наши наблюдения, являются категории *польза / вред*, проявляющиеся в целом ряде частных категорий: *приобретения / потери, благополучие / убожество, счастье / несчастье, почёт / осуждение* и др. Обращение к такому рода категориям и лежит в основе механизмов ценностного ориентирования, осуществляемого посредством языка.

Елена Владимировна Ничипорчик (Гомель, Беларусь)
evnich@gmail.com

III.3.2.

ПОСЛОВИЦЫ С ТОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОСТИ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ

Богатый национально-культурный фон топонимов, активно исследуемый лингвокультурологами (Головина 2010, 2012; Кисель 2009; Крюкова, Супрун 2004; Отин 2003; Ражина 2007; Чеснокова 2012), позволяет безоговорочно отнести этот разряд лексики к этнокультурным маркерам языкового сознания.

Наличие наименований топообъектов, расположенных на территории страны, в составе пословицы даёт все основания отнести её к лингвокультурам как национально маркированную. Однако в ряде случаев существует вероятность того, что за национально-специфическими компонентами пословицы исследователь может не разглядеть интернациональную структурно-семантическую модель или универсальную аксиологему – концептуально значимый ценностный смысл выражения.

Категории интернационального и национального во фразеологии Э.М. Солодухо называет «диалектическими противоположностями, существующими в единстве». Это единство, как отмечает автор, «характеризуется способностью взаимопроникать, переходить друг в друга» (Солодухо 1989, 264).

Так, ярким примером «национализации интернационального» является топонимическое наполнение паремиологической модели «X (столица) — мать городов», появившейся на базе семантической кальки греческого слова *метрополис*: *Москва — всем городам мать, Praha — matka měst* (чешск.) и т.п. А вот идея централизации власти, наложившаяся на данную модель, нашла паремиологическое выражение только в русской лингвокультуре: *Москва – голова над всем городам, а Самолва – глава над всем деревням*. (Пск.) (СППП, 2001, 135). *Москва – голова, а страна – руки и ноги*. (Под., Зим., 1956, 29).

Многолетний процесс строительства столицы (реже – другого крупного города) стал мотивирующим признаком при развитии переносного значения выражений, построенных а разных языках по модели: «X (столица) не сразу строилась = ‘большое дело делается поэтапно, планомерно, в течение определённого периода времени’»: *Москва не сразу (не вдруг) строилась, Не за дзень Вільна станавілася* (белорус.), *Nie od razu Kraków zbudowa* (польск.), *Rome was not built in one day* (англ.). К этим славянско-германским параллелям, приводимым М.Ю. Котовой (2000), В.М. Мокиенко и др. (2002), добавим венгерское наполнение модели: *Net egy nap épült Buda* (букв.: *Буда строилась не*